

Алексей Рубан

**Эхо ветров.
Странники
ветра**

Алексей Рубан

Эхо ветров. Странники ветра

<https://litres.ru/74056804>

SelfPub; 2026

Аннотация

В первой книге Эрин, сирота, найденная у порога библиотеки, узнала, что она — Эхо Ветров. Вместе с Каем, Гримли, Гунди и попугаем Ара она нашла Сердце Ветра, остановила День Пустоты и вернула людям память тысячелетий. Пожиратель был повержен, но исчез, оставив тёмные провалы и загадку: последнее десятилетие стёрто навсегда.

Прошло три месяца. Софир восстанавливается, Арагуру и Гримли утверждают Ассамблею Памяти. Но покой обманчив. На северо-востоке Пожиратель собирает новую армию. С ним — Натэлла и Гутур незаконный правитель колюков и другие приспешники.

Эрин чувствует, как дар отдаляет её от мира. Кай проводит рыцарский турнир для набора воинов, прошлое заставляет сомневаться. Малик — друг Кая и победитель турнира — слишком уверенно смотрит на ту, которую Кай любит. Карта Гримли проступает новыми линиями за пределы известных земель. Видения Арагуру тревожны: за разрывом времени скрывается нечто. Халиб отправляется на север за похищенной дочерью. Гунди собирается вернуть трон.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Рубан

Эхо ветров.

Странники ветра

Глава 1

Эхо ветров. Странники ветра
Предисловие

Краткое описание прошлых событий. Ветер, что помнит всё

Софир — древний, как морщины на лице времени, — лежит в объятиях бескрайнего неба, где ветры, словно незримые пряжи, ткут полотно памяти из тысяч голосов, вздохов и забытых обещаний. Но каждые десять лет над этим миром опускался **День Пустоты** — миг, когда все воспомина-ния человечества исчезали, оставляя лишь звенящую пусто-ту, подобную колодцу без дна. Люди выживали благодаря за-писям, дневникам, книгам, которые, словно осколки разби-того зеркала, хранили отражения ушедшего. Но настоящая память — та, что живёт в сердце, в трепете ресниц, в теп-

ле ладони, в запахе дождя после долгой засухи, — угасала навсегда, растворяясь в утреннем тумане, как сон, который некому рассказать.

В старой библиотеке, где пыльные лучи солнца пробивались сквозь витражные окна, оседая золотыми дорожками на пожелтевших страницах, жила юная **Эрин**. Она была найдена на пороге после одного из Дней Пустоты — девочка с серебряным браслетом на руке, на котором было выгравировано её имя, будто кто-то оставил её миру, как письмо в бутылке. Её наставник, старый архивариус, на смертном одре открыл ей правду: грядёт новый День Пустоты, и на этот раз память мира может исчезнуть навсегда, как тает иней под первыми лучами весеннего солнца. Он вручил ей древнюю карту, хранившую шёпот веков, и флакон с **Океанским Туманом** — субстанцией, мерцающей, словно кусочек лунного света, запёртый в хрустальной темнице.

Так Эрин узнала, что она — **Эхо Ветров**, единственная, кто способна слышать шёпот воспоминаний, что ветер несёт сквозь века, как река несёт листья, падающие с деревьев, чьи корни уходят в глубину забытых эпох. Вместе с верным попутчиком **Ара** — созданием с радужными перьями, в котором дремала древняя сущность хранителя времени, — она отправилась в путь, туда, где горизонт сливается с небом, а ветры шепчут имена тех, кого уже нет.

В дороге к ней присоединились те, чьи судьбы, как нити в ткани мироздания, сплелись в единый узор:

Кай— рыцарь, чья память была стёрта Днём Пустоты, оставив лишь пустоту, подобную зимнему полю без единого следа. Он был воспитан кочевниками Гунны, суровыми, как ветры степей, и прошёл Северную войну, где его меч звенел, как колокол, возвещающий о гибели и надежде. В его зелёных глазах, пронзительных, как стрелы, отражалась буря, которую он носил в себе, а под правым глазом алел шрам в форме креста — метка, напоминающая о том, что даже память может оставлять следы на коже, если боль достаточно глубока. В нём Эрин нашла не только защитника, но и родственную душу — того, кто, как и она, искал ответы в мире, где вопросы были запретными.

Гримли— гоблин-картограф, чьё лицо, изборождённое морщинами, напоминало старую карту, где каждая линия была историей. Он был измождён рабством у гадолинов, жестоких северян, проигравших войну, и его тело хранило следы лишений: худые плечи, перебитое ухо, длинный крючковатый нос, придававший его лицу хищное выражение. Но в его глазах, тусклых, как угасающие угли, всё ещё теплился свет — искра надежды, которую Кай, спасший его из подвала в Эстероне, раздул в пламя. Он стал верным другом и незаменимым проводником, чьи карты, испещрённые символами и линиями, были ключом к тайнам, которые мир пытался забыть.

Гунди— колюк, изгнанный наследник трона, чья спина, покрытая острыми иглами, отливающими бронзой, была по-

добна доспехам, которые он носил не только на теле, но и в душе. Он был тем, кто предпочёл правду слепой верности клану, и за это был объявлен предателем. Его лицо, грубое и обветренное, хранило следы сражений и лишений, а в глазах, цепких и внимательных, читалась решимость, которую не могли сломить ни годы изгнания, ни угрозы смерти. Он присоединился к отряду, когда помог спасти Эрин из подземной ловушки карликов, и с тех пор его верность была непоколебимой, как скалы, что стояли у входа в пустыню Иссох.

Вместе они прошли через **Город Зеркал**, где каждая плита хранила отражения чужих судеб. Там они увидели жестокую правду истории мира — войны, что пожирали города, как пламя пожирает сухую траву; порабощение, что клеймило души, оставляя на них шрамы, невидимые глазу; несправедливость, что, подобно тени, следовала за человеком от самого его рождения. Они приняли эту правду, как принимают тяжесть древнего камня, ибо поняли: только помня о боли, можно избежать её повторения.

Они пересекли пустыню Иссох, где песчинки, казалось, шептали о забытых временах, и сразились с карликами, похитившими Эрин ради Силы Софира — субстанции, что текла в жилах мира, как кровь течёт в жилах живого существа. Там, в подземелье, где вибрировала зловещая машина, они нашли союзников в лице **песчаных эльфов** во главе с князем **Халибом** — личностью столь же древней, как сами

пески, с кожей цвета выжженного солнца и глазами, глубокими, как колодцы пустыни. Он носил в себе мудрость тысячелетий, но в его взгляде таилась печаль — тень утраты, которую он не мог забыть.

В **Ахарадже**— месте силы, где камни, казалось, дышали, а воздух дрожал от древней магии, — Эрин обрела могущественный дар: **Силу Четырёх Ветров**. Она почувствовала, как в её венах запели стихии — Северный, ледяной и режущий, как осколки замёрзшего времени; Южный, жаркий и испепеляющий, словно дыхание полуденного солнца; Восточный, стремительный и неудержимый, как горный поток; Западный, мягкий, но всепроникающий, подобный вечернему туману, что окутывает долины. Но с этой силой пришло и понимание: она должна противостоять **Пожирателю Ветров**— тёмному властелину, чьи глаза горели холодным огнём, отражая бездну, куда он собирался низвергнуть весь Софир.

Алтарь, на котором Пожиратель готовил восход Кровавой Луны и жертвенный обряд, был разрушен. Трубки, питавшие бассейн силой Софира, лежали разбитыми. Бассейн, некогда наполненный багровой субстанцией, теперь был пуст, и лишь тёмные пятна на камнях напоминали о том, что здесь когда-то текла кровь невинных. Свод храма, сквозь который проникал луч Кровавой Луны, был затянут облаками, и свет, пробивавшийся сквозь них, был мягким, почти ласковым — будто само небо вздохнуло с облегчением, когда тьма отсту-

пила. Руны на колоннах, некогда пульсировавшие багровым светом в такт заклинаниям Пожирателя, погасли, и лишь слабое мерцание, подобное отблеску далёких звёзд, осталось на их поверхности, словно память о том, что здесь происходило.

Пожиратель был повержен, но не уничтожен. Он исчез, растворившись в вихре тьмы, оставив после себя лишь холодный ветер и **тёмные провалы**— места, где воздух застывал, а ветер не дул, подобно островам тишины в океане звуков. А вместе с ним ушла и память последнего десятилетия — годы, предшествовавшие Дню Пустоты, остались для всех белым пятном, как страница, вырванная из книги судеб.

Эрин, Кай, Гримли, Арагуру, Гунди и Халиб стали **Странниками Ветра**— легендами, чьи имена шептал ветер в кронах деревьев и над крышами домов. О них слагали песни, их портреты появлялись на фресках в Храмах Памяти, а дети, засыпая, просили рассказать историю о том, как Эхо Ветров спасла Софир. Но покой, как и рассвет, оказался недолгим.

Тревожное настоящее

Прошло три месяца после битвы у Сердца Ветра. Время текло, как вода по руслу реки, оставляя за собой следы перемен. Мир восстанавливался: люди строили Храмы Памяти, где каждый камень, казалось, был пропитан благоговением

перед прошлым; песчаные эльфы, покинув укрытия, возвращались в свои древние города в стране Гун, где стены, веками погребённые под песками, снова обретали очертания; в Куртукташе — городе, куда птицы с незапамятных времён приносили свитки с именами новорождённых, — кипела работа по восстановлению утраченных знаний, и каждая страница, найденная под слоем пыли, была подобна драгоценному камню, возвращённому в корону.

В Сердце Ветра, там, где некогда стоял алтарь Пожирателя, теперь царила тишина. Камни, хранившие память о битве, были очищены от тёмных пятен, и на их месте возвели скромный, но величественный пьедестал из белого камня, на котором была высечена хроника победы. Вокруг алтаря, где когда-то свершался обряд забвения, теперь располагались свитки с восстановленными летописями, и факелы мягко освещали стены, на которых искусные мастера вырезали сцены из истории Странников Ветра. Здесь же, под сводами храма, Арагуру и Гримли утвердили первую сессию **Ассамблеи Памяти** — нового органа, призванного хранить и систематизировать историю Софира. Это место, некогда служившее средоточием тьмы, теперь стало символом возрождения, напоминанием о том, что даже из пепла может родиться свет.

Арагуру стал главным советником и заведующим кафедрой истории, его голос, глубокий и мудрый, звучал под сводами храма, когда он открывал сессию словами, которые ве-

тер разнёс по всем уголкам Софира: *«Память — это не просто знание. Это наша душа, наша связь с теми, кто был до нас, и с теми, кто придёт после. И мы, собравшиеся здесь, клянёмся хранить её, как хранят свет в темноте»*. Гримли, занявший пост заведующего кафедрой картографии, развернул перед собравшимися свою Великую Карту, на которой теперь, помимо известных земель, проступали новые линии — пути, ведущие за пределы Софира, туда, где, возможно, скрывались ответы на вопросы, которые никто не решался задать.

Но за этой картиной процветания таились тени, как закатные тени, что удлиняются перед наступлением ночи.

Эрин, ставшая, некой хранительницей равновесия, чувствовала, как дар четырёх ветров постепенно отдаляет её от людей. Она слышала голоса, которых не слышали другие, — шёпот стихий, что звучал в её сознании, как отдалённый гул океана в раковине. Иногда, просыпаясь на рассвете, она не понимала, где заканчивается её воля и начинается воля ветров, словно её душа была разделена между миром живых и миром стихий. Она стояла на балконе башни, глядя на город, и чувствовала, как стеклянная стена отделяет её от людей, которых она поклялась защищать.

Кай, вспомнивший обрывки своего кочевого прошлого, начал сомневаться в своём предназначении. Он больше не был просто рыцарем, чей меч звенел в битвах, — он стал лидером, наставником, тем, кто организовывал и направлял.

Но память не вернулась, а старые вопросы, подобные сорнякам, что прорастают сквозь трещины в камне: кто он на самом деле, каково его место в этом новом мире, где всё изменилось, а он остался прежним? Он проводил Турнир Странников, глядя на бои со стороны, и в его взгляде, устремлённом на арену, читалась не только гордость, но и тень беспокойства.

Арагурум мучили видения. Ночью, когда мир погружался в тишину, он видел, как нить времени в одном из узлов начинала рваться, подобно струне, что натянута слишком сильно. За разрывом он различал силуэт, Пожирателя, но как будто более древнего, более опасного — словно тень той тени, что когда-то стояла у истоков мира. Его перья, отливавшие серебром, слегка дрожали, когда он просыпался от этих видений, и в его глазах, читалась тревога, которую он не мог скрыть даже от себя.

Гримли, заканчивая свою Великую Карту Софира, с удивлением замечал, как на ней проступают линии, которых он не наносил, — словно карта дышала, жила своей собственной жизнью, помнила то, что было забыто людьми. Эти линии, тонкие и мерцающие, подобно паутине в утренней росе, вели за пределы известных земель, туда, где, возможно, скрывалась новая угроза. Он проводил пальцами по этим линиям, и каждый раз они вспыхивали ярче, будто отвечая на его прикосновение.

Гунди, лишённый власти наследник трона колюков, со-

бирал сторонников, как ветер собирает сухие листья. Его отряд, немногочисленный, но верный, рос с каждым днём, и в его глазах, цепких и решительных, читалась готовность бросить вызов новому правителю — Гутуру, брату поверженно-го Тура. Но он знал: чтобы победить, ему нужна поддержка не только своего народа, но и людей, и он был готов идти на союз, даже если это означало признание тех, кого он когда-то считал врагами.

Халибполучил весть, которая, подобно камню, брошен-ному в воду, разорвала гладь его спокойствия: Его дочь, ко-торую пиратская королева и ведьма Натэлла похитила десять лет назад, возможно, всё ещё жива. И если это так, то она где-то там, на севере, в Седой пустоши, где Пожиратель со-бирает свои силы. А значит, и Натэлла должна быть рядом.

Там за гранью известного мира, в тишине, где воздух за-стыл, а ветер не дул, пробуждалось нечто древнее. **Первая Тень**— частица Хаоса, из которой был создан мир, — со-бирала себя заново, подобно тому, как утренний туман со-бирается в капли, чтобы снова стать росой. И у неё был но-вый сосуд — **Натэлла**, пиратская королева, чьи серебристые волосы развевались на ветру, а глаза сверкали холодным ог-нём. Она нашла **Осколок Хаоса**— артефакт, что хранил в себе частицу той самой тьмы, из которой родился мир, — и теперь стремилась стать преемницей Пожирателя, а может быть, и чем-то большим.

На пороге новой бури

Софир стоял на пороге новых испытаний, как путник, что замер перед тёмным лесом, не зная, что таится в его глубине. Ветры, что когда-то принесли надежду, теперь несли тревогу, подобную далёкому грому, что приближается, стирая небо. Тени сгущались на окраинах, прошлое возвращалось, чтобы напомнить о себе, а будущее становилось всё более туманным, как утро, которое никак не наступит.

Эрин и её друзья — Странники Ветра — снова должны были собраться вместе, как клинки, что поднимаются перед бурей. Впереди их ждали тайны, окутанные мраком, как звёзды, что скрыты за облаками: тайна рождения Эрин и Кая, истина о том, кто они на самом деле и почему их память была стёрта; борьба за трон колюков, что могла переписать карту власти в Софире; поиски дочери Халиба, которые могли привести к столкновению с Натэллой; пробуждение Первой Тени, угроза которой могла переписать не только память, но и само дыхание мира.

Но было и то, что давало им силу: дружба, проверенная в битвах, как сталь, закалённая в огне; любовь, способная преодолеть любые преграды, подобно реке, что пробивает себе путь сквозь скалы; и **Ветер Надежды**, который, однажды родившись, уже не угаснет никогда, как звезда, что светит даже в самую тёмную ночь.

Ибо пока в сердцах живёт надежда, даже самая глубокая

тьма не сможет победить. Ветер, что помнит всё, снова зовёт в путь — и там, за горизонтом, ждут не только опасность, но и ответы, и правда, которая изменит всё.

Первая глава второй книги - Эхо ветров. Странники ветра

Глава 1. Новый рассвет. Три месяца спустя.

Рассвет над Софиром больше не был серым.

Эрин стояла на балконе башни Ассамблеи в Сердце ветра, глядя, как солнце золотит крыши столицы. Там, внизу, кипела жизнь — люди выходили на улицы, торговцы открывали лавки, дети бегали за голубями. Всё было как раньше, но иначе. Воздух стал легче. Люди улыбались чаще. Память возвращалась, и с ней — надежда.

И всё же Эрин не могла отделаться от ощущения, что за этой картиной она наблюдает *изнутри*. Словно стеклянная стена отделяла её от мира.

«Ты слышишь?» — прошептал ветер. Он всегда шептал теперь.

— Слышу, — тихо ответила она.

Ветер говорил о трещинах. О том, что где-то на окраинах мира воздух застывает, а ветры затихают, словно их кто-то *перехватывает*. Он говорил о Пожирателе, который не умер, а лишь залечивал раны. И о чём-то более древнем — том, что стояло за ним.

— Эрин?

Она обернулась. Кай стоял на пороге в лёгкой рубашке, без доспехов. С утра он уже успел провести тренировку с новобранцами — по его лицу, ещё влажному после умывания, было видно, что он только что вернулся.

— Ты опять не спала, — сказал он, подходя ближе.

— Спала, — ответила она, но улыбнулась виновато. — Просто встала рано. Смотрела на город.

Кай остановился рядом, проследил за её взглядом. За три месяца он не перестал удивляться тому, как изменился мир. Люди строили Храмы Памяти, переписывали летописи, восстанавливали то, что День Пустоты пытался стереть. Но иногда ему казалось, что вместе с воспоминаниями они возвращают не только добро.

— Гримли уже в библиотеке, — сказал Кай, — Арагуру прислал весточку: они нашли ещё несколько свитков в Куртукташе. Птицы приносили их веками. Там могут быть записи, которым тысяча лет.

Эрин кивнула, но мысли её были далеко.

— Кай, — начала она, — ты не чувствуешь... что я меняюсь?

Он на мгновение задержал дыхание. Потом взял её за руку.

— Чувствую, — ответил он честно. — Иногда ты смотришь на меня так, будто я — часть картины, которую ты видишь, но не можешь коснуться. Будто ты уже там, в том ме-

сте, куда зовут твои ветры.

— Я не хочу уходить, — сказала Эрин.

— Я знаю. Но боюсь, что однажды ты не сможешь выбирать.

Они стояли молча, глядя на город. Ветер мягко касался их лиц, и в его шёпоте звучало что-то, чего Эрин не могла понять до конца. Что-то, что она ещё не научилась переводить.

Внизу, на главной площади, уже собирались люди. Начинаясь **Турнир Странников** — состязание, которое Кай организовал, чтобы отобрать лучших бойцов в армию, защищающую Софир.

— Ты уверен, что не хочешь участвовать? — спросила Эрин, стараясь переменить тему.

Кай усмехнулся:

— В этом нет смысла. Я уже знаю, кто победит.

— Откуда?

— Оттуда, что я его учил, а меня учил его отец.

Они спустились на площадь, когда солнце уже поднялось над стенами столицы. Трибуны были полны. Люди пришли не только смотреть на бой — они пришли прикоснуться к новой надежде. Странники Ветра, армия, что должна была защищать память мира.

Кай занял место среди судей. Эрин стояла рядом, наблюдая за поединками. Она видела их, но слышала за каждым ударом меча голоса ветров — те, что говорили о другом.

И когда на арену вышел высокий молодой кочевник в лёг-

ком кожаном доспехе, Эрин почувствовала, как ветер встретился.

Малик. Сын вождя Гунов. Друг Кая по годам, проведённым среди кочевников.

Он был быстр, как степной ветер, и точен, как удар сокола. Его меч мелькал в воздухе, и противники падали один за другим. Кай не улыбался — он смотрел на бывшего ученика с гордостью, которая мешалась с чем-то тёмным.

Эрин не знала, что это было. Ревность? Предчувствие?

Малик, одержав победу в финале, подошёл к ней. Он улыбался — широко, по-мальчишески, хотя был старше большинства участников. Пот катился по его лицу, смешиваясь с пылью арены, но в его взгляде, живом и дерзком, не было ни капли усталости. Он был полон сил — как молодой олень, только что вошедший в пору зрелости.

— Эрин, — сказал он, слегка склоняя голову. Его голос звучал мягко, но с лёгкой хрипотцой — так говорят воины, привыкшие проводить дни в седле под открытым небом. — Я слышал о тебе много. Странники Ветра, Эхо Ветров... Ты — сама легенда.

— Я просто человек, — ответила она.

— Человек, который спас Софир, — усмехнулся Малик, и в его улыбке промелькнула искренняя теплота. — Я бы хотел учиться у тебя. Не только у Кая. Узнать, что значит слышать ветер.

Эрин сдержанно улыбнулась, но в её взгляде мелькнула

настороженность. Она хоть была совсем юна, по-женски чувствовала этот тип мужчин — тех, кто привык получать то, что хочет, одной лишь силой своего обаяния. Но Малик был другом Кая, и она не хотела быть грубой.

— Ты слишком уверен в себе, воин, — сказала она, и голос её прозвучал мягко, но с едва заметной сталью. — Но поскольку ты друг Кая, я дам тебе один урок. Всего один. Посмотрим, чему ты сможешь научиться.

Малик лишь шире улыбнулся, словно её слова были ему приятны, и в его глазах мелькнул дерзкий огонёк. Он не был тем, кто отступает перед вызовом.

— Приходи завтра в башню, — сказала она. — Приходи с рассветом. И не опаздывай — ветер не ждёт тех, кто не умеет ценить время.

Кай не сказал ни слова. Он стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и его взгляд, устремлённый на Малика, был непроницаем, как ледяная гладь озера. Но Эрин знала его достаточно хорошо, чтобы прочесть то, что скрывалось за этой маской: тревогу, смешанную с ревностью, и невысказанное желание, чтобы она отказала. Он сжал челюсть так сильно, что на скулах выступили желваки, и его пальцы, сжимавшие предплечья, слегка побелели от напряжения.

Но он молчал.

И Эрин знала: эту ночь они проведут в разговорах, которые не касаются ветра или турниров. Они будут говорить о том, что нельзя высказать прилюдно, — о страхах, сомнени-

ях и о том, что их связь, такая хрупкая и такая сильная одновременно, может не выдержать нового испытания.

Она повернулась к Малику и коротко кивнула:

— До завтра.

— До завтра, — ответил он, и в его голосе прозвучала уверенность, которая, казалось, не знала сомнений.

Малик развернулся и направился к выходу с арены, ловко перепрыгивая через низкие барьеры. Его движения были плавными, как у степного хищника, и даже со спины он выглядел так, будто мир принадлежал ему. Он помахал Каю — коротко, по-дружески, — и скрылся в тени трибун.

Эрин обернулась к Каю. Он всё ещё стоял неподвижно, и в его глазах, зелёных, как летний лес, читалась буря, которую он пытался сдержать.

— Кай, — тихо сказала она, подходя ближе. — Он твой друг. Ты сам учил его.

— Я знаю, — ответил он, и голос его прозвучал глуше обычного. — Я знаю, что это глупо. Но я не могу избавиться от этого чувства. От того, что он смотрит на тебя так, будто...

Он не договорил. Эрин протянула руку и коснулась его плеча — мягко, успокаивающе.

— Он просто друг, — сказала она. — А ты — ты мой ветер. Мой Кай. И ничто не изменит этого.

Кай посмотрел на неё, и в его взгляде буря начала утихать, уступая место теплу.

— Я знаю, — повторил он. — Просто... всё это новое. Мир

меняется. Мы меняемся. И иногда мне кажется, что я не успеваю за этим.

— Мы справимся, — сказала она. — Вместе.

Он взял её за руку, сжал её ладонь, и на мгновение мир вокруг перестал существовать. Были только они — двое, стоящие на пороге новой эпохи, и ветер, что шептал им о том, что впереди ещё много испытаний, но они пройдут их, как проходили всегда.

Трибуны постепенно пустели. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в золотистые и багряные тона. Где-то вдалеке запел рожок, возвещая окончание турнира.

— Пойдём, — сказала Эрин. — У нас будет долгий разговор сегодня.

Кай кивнул, и они вместе направились к башне, оставив за спиной пустеющую арену, шелест знамён на ветру и тихий смех зрителей, которые расходились по домам, неся в сердцах тепло надежды.

Но Эрин знала: там, за пределами столицы, в холодных землях, где пар клубился над горячими источниками, её враги тоже готовились к долгой ночи.

Им предстояло встретиться.

Глава 2

Глава 2. Асс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.